

Елена
ГРАСС

(НЕ)ВЕРНЫЙ

История жены врача

Елена Грасс (Не)верный. История жены врача

<https://litres.ru/74564702>

SelfPub; 2026

Аннотация

Захожу на террасу. Сын и муж не видят меня.

— Не ври маме. Скажи ей всё. Я больше не могу смотреть ей в глаза и делать вид, будто ничего не происходит! — голос сына звучит жёстко и непривычно по-взрослому.

Значит, я не ошиблась. Сын уже знает о разводе, который муж пока тщательно скрывает от меня. И, похоже, он всеми силами пытается заставить отца признаться.

Горько.

Как обычно, самые важные новости о собственной жизни женщина узнаёт последней.

— Я ещё не выбрал подходящий момент для разговора, — отвечает муж раздражённо. — И это моя ложь, не твоя. Так что перестань себя мучить.

— Пап — сын не сдаётся.

В следующий миг муж с силой ударяет кулаком по деревянным перилам террасы. От резкого звука я вздрагиваю и прижимаю ладонь к груди.

— Хватит! — срывается он. — Я сам решу, когда и что говорить своей жене. Мне лучше знать, какую правду ей нужно услышать, а какую — нет. Меньше знает — крепче спит!

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	14
Глава 2	21
Глава 3	29
Глава 4	34
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

(Не)верный.

История жены врача

ПРОЛОГ

Спешу через город в ресторан.

Я очень красива сегодня, и мне даже в зеркало смотреться не надо, чтобы доказать себе это. Но эта красота – лишь внешний панцирь, за которым я пытаюсь спрятать плохое настроение.

Я знаю, что выгляжу безупречно: макияж подчёркивает глаза, волосы уложены в идеальную волну, но ничто из этого не греет изнутри.

Всё кажется ненужным, когда в душе тревога о нашем с мужем будущем.

Совсем недавно мы отметили серебряную свадьбу. Но до золотой в этом браке, видно, нам уже не дотянуть.

Эта поездка в ресторан, скорее вынужденная мера, нежели моё желание.

Я бы с радостью осталась дома, завернувшись в плед с книгой, но нельзя.

Сегодня я должна улыбаться, делать вид, что всё прекрасно. Потому что так принято и так надо.

Не мне надо, мужу, но я пошла на уступки. Может, хотя бы

это сгладит то напряжение, которое появилось между нами пару недель назад.

Что произошло – теперь уже догадки очевидны, но мне нужно убедиться до конца в своей правоте.

Страх за будущее нашей семьи вызывает очередное беспокойство, но я гоню его прочь.

Сегодня я и Альберт приглашённые гости на юбилей нашего старого друга, и одновременно его работодателя.

Нам нельзя ударить в грязь лицом. Слишком много в окружении сегодня подчинённых моего мужа, и коллег.

Поэтому прочь тревоги, и вперёд на амбразуру изображать благополучную семейную жизнь.

Припарковавшись за пару домов от ресторана, спешу зайти внутрь.

Шикарное заведение в центре нашего города встречает меня своей красотой.

Попав внутрь приятно удивляюсь открывшейся атмосфере.

Всё вокруг дышит стилем, но без вычурности.

Шум голосов, звон бокалов, приглушённый смех намекают мне на то, что нужно расслабиться. Последнее время нам слишком редко это удаётся сделать.

На мгновение я забываю о своём тяжёлом настроении. Может, этот вечер пройдёт лучше, чем я ожидаю?

Бегаю глазами по залу в поисках мужа и сына. Их нигде нет.

Иду мимо барной стойки, где сидят две очаровательные девушки, и вот-вот уже преодолею расстояние до столиков, когда до меня долетает обрывок их разговора, заставляющий замереть:

— Ты видела нашего нового заведующего? — голос девушки.

— Это который? Сейчас, кажется, пару новых назначений. Седов, или второй, Нежин?

— Седов, который! Заведующий реанимационным отделением. Нежин с ним не сравнится. А Седов очень даже ничего! — или мне показалось, или она облизнула губы?

Замираю. Речь же о моём муже.

— Ах, тот... — вторая девушка ухмыляется какой-то ехидной улыбкой, и у меня внутри что-то неприятно сжимается, — да, согласна, мужик что надо. Поджарый, и выглядит отлично. Даже не скажешь, что ему ближе к полтиннику. Тачка, кстати, у него шикарная. Он Казанцеву недавно подвозил до метро, она рассказывала.

Присаживаюсь на барный стул недалеко от них, делая вид, что хочу заказать себе коктейль, но периферийным зрением всё ещё наблюдаю за ними и слушаю разговор.

— Смеёшься, что ли?! Ему до полтинника ещё далеко. Мужу всего сорок шесть! — делает акцент на слове «все-го», — в самом расцвете сил! Про таких говорят, что они входят в период второй молодости. Это же прекрасно! И голова на плечах есть, и опыт в постели, и при деньгах, и при

должности. Всё самое лучшее, как говорится! Ты видела, как он взялся за работу?! У него уже в руках всё кипит!

— Ну, знаешь ли... руки и... — подмигивает собеседница, но мы все понимаем, о чём она говорит, — это органы разные...

Они начинают хохотать, а я злиться. Не думала, что у подчинённых могут быть разговоры об ... органах руководителей.

— Думаю, там всё в порядке.

— Ну, почему бы и не проверить... Согласно, мужик видный! Отрицать это глупо.

— В очередь тогда. Казанцева уже строит ему глазки.

— А он?

Сглатываю в горле, который появляется совершенно неожиданно в ожидании ответа девушки про какую — то неизвестную мне Казанцеву.

— Здравствуйте! — подходит ко мне незнакомка, отвлекая от разговора этих пигалиц.

— Здравствуйте.

— Вы помните меня? — смотрит с ожиданием, и я замечаю, как девушки начинают переглядываться и пялиться теперь на нас.

— Да, — мне кажется, я видела её в отделении мужа, когда приезжала к нему один раз, забыв ключи от дома в другой сумке. — Простите, надеюсь, что я не ошиблась, но мне показалось, вы из-за отделения моего мужа?

— Да-да. Вы жена Альберта Григорьевича, — девушка улыбается и кивает.

— Я опоздала, застряла в пробке. Теперь хочу найти мужа, — встаю, чтобы побыстрее уйти от барной стойки теперь.

— Я видела и Альберта Григорьевича, и сына вашего тоже. Наверное, они где-то здесь. Можно подойти к администратору, она поможет.

Девушка-администратор сообщает нам о том, что есть ещё огромная терраса, на которой, вполне возможно, своих мужчин я и найду.

Выхожу и замечаю, что они действительно именно там.

Дверь на террасу приоткрыта, музыка играет уже не так громко, как в основном зале, и я невольно слышу разговор своего мужа и своего старшего сына.

— Как Санька? Полине также тяжело?

— Да, дочь даёт жене жару. Пап, пока есть возможность, я о маме хотел поговорить. Отец, скажи ей всё, — мой сын смотрит на Альберта, не замечая меня за своей спиной.

Его голос твёрдый, почти требовательный в этот момент.

Я стою в дверях на входе, не подходя к ним, потому что странное предчувствие заставляет меня затаиться и послушать дальше.

— Ты про что? — Альберт поднимает глаза от бокала с коньяком, который только что собирался попробовать. Вижу, как его пальцы слегка сжимают тонкую ножку бокала. Он нервничает.

— Ты сам знаешь про что.

Я вижу, как муж замирает после слов Максима.

— Нет, — резко обрывает он, даже не пытаясь развивать тему. Видимо, и правда понимает, о чём речь.

— Но она имеет право знать... — Макс говорит тихо, но я всё равно слышу. — Разве такое можно скрывать?

— Сын, пожалуйста, не лезь в это дело.

Голос Альберта звучит мягче, но в нём слышится предупреждение. Он не хочет, чтобы этот разговор продолжался.

— Но почему?

— У тебя своих дел хватает, правда? Ты женат, и у тебя уже есть своя семья, — перебивает муж, резко меняя тему.

— Полиной и Санькой больше занимайся, чем нами. Мы — отрезанный ломоть.

Он делает паузу, пытаясь сгладить углы, и добавляет уже с лёгкой улыбкой:

— Макс... ну, попросил же: не лезь, — кладёт ему руку на плечо.

Но наш сын не отступает.

— Пап, ты же врач, и сам знаешь, если анализ будет положительный, такие вещи сами по себе не исчезнут. Скрыть не получится. Оно не рассосётся! Не исчезнет!

— А если отрицательный, то и тем более, маме и знать ничего не нужно.

Сын тяжело вздыхает, опускает голову.

— Надо же вляпаться в такое дерьмо... — Его голос сры-

вается. — Я понимаю, конечно, с каждым может случиться, но...

— Вот именно, сын. Макс... — Альберт замолкает на несколько секунд, будто подбирает слова. Потом произносит сухо:

— Я не понимаю, ты хочешь поссориться?

Тишина. Я не дышу.

Да, моё чутьё не подвело. Сын знает про предстоящий развод, о котором мне пока не сообщил муж, и усердно пытается убедить признаться в этом своего отца.

Как всегда — всё самое главное и жизненно важное женщина узнаёт последней. Ну что за несправедливая закономерность?

— Конечно, нет. Но лучше не обманывай маму и сказать ей.

В голосе сына слышится напряжение. Он не хочет лгать, но и не может просто так принять отцовское решение.

— Я пока не подготовил почву. В любом случае это моя ложь, а не твоя. Я так не могу. Поэтому прекрати заниматься самобичеванием.

Альберт говорит резко, отчеканивая каждое слово, будто вбивая гвозди. Он не кричит на сына, но его тихий, ровный голос режет хуже крика.

Слушая это, моё сердце колотится так сильно, что, кажется, его стук слышен даже им. Кровь гудит в висках, дыхание перехватывает. Я не могу пошевелиться, не могу отвести

взгляд от своих мужчин.

— Бать...

Максим упрямый. Он повышает голос, и в нём слышится не только протест, но и что-то ещё – обида? Разочарование? Он хочет достучаться, заставить отца услышать.

— Пап...

Альберт внезапно бьёт кулаком по перилам террасы. Я непроизвольно вздрагиваю.

— Хватит!

Он переходит на тон сына, но потом резко обрывает себя, будто осознав, что теряет контроль. На секунду воцаряется тишина, тяжёлая, давящая.

— Я сам разберусь со своей женой, понял?! Я лучше знаю, что ей нужно знать, а что нет. Меньше знает – крепче спит! А ты иди со своей разбирайся! Полина, я слышал, говорила мельком матери, что тебя дома вечно нет. И не смей учить отца.

Это уже не просто спор. Это что-то другое. Что-то, чего я никогда раньше не видела.

Да, они ссорились. Да, бывало, что оба повышали голос. Но чтобы Альберт говорил с Максимом так... так жёстко?

Сын сдаётся. Он знает, что сейчас бесполезно что-то говорить. Альберт не отступит.

Я продолжаю стоять как вкопанная и даже не понимаю, что мне надо срочно спрятаться, чтобы они меня не увидели.

Макс сжимает свои кулаки, опускает голову, выдыхает тя-

жёлым выдохом и разворачивается, чтобы уйти.

— Мама... — замечает меня и смотрит растерянно. — Ты сказала, что в пробке задерживаешься.

— Ну вот, уже доехала, — пожимаю плечами, улыбаюсь, насколько могу после услышанного.

Сын кивает, переводит быстро взгляд на отца, а тот опускает лицо и на меня не смотрит.

— Ты давно здесь? — как бы между прочим спрашивает.

— Пять минут, — отвечаю, но смотрю не на сына, а на своего мужа. — Макс... О чём вы говорили? Почему ссорились?

Глава 1

ЗА ПОЛТОРЫ НЕДЕЛИ ДО ОСНОВНОГО СОБЫТИЯ.

Я горжусь своим мужем и своими сыновьями.

Они у меня такие, что... только хвастаться!

Когда-то, ещё в молодости, после рождения второго сына, меня спросили: «Ну что, за дочкой пойдёшь?».

Но мы с мужем твёрдо решили: нет, «отстрелялись». Беременности и роды дались мне очень тяжело, я еле выносила своих двух пацанов.

Муж, будучи врачом, сказал чётко: «Больше рожать не будешь. Мне важнее всего твоё здоровье».

— А как же принцесса для вас, Альберт Григорьевич? — подтрунивали над ним коллеги.

— У меня уже есть одна принцесса, других не будет, — отвечал он, глядя на меня с улыбкой.

Годы пролетели незаметно. Настолько незаметно, что мы уже даже успели отпраздновать серебряную свадьбу.

И всё это время Альберт продолжать называть меня сначала «моя принцесса», а когда я стала старше — «моя королева».

Жизнь, конечно, не была совсем безоблачной за все эти годы, даже несмотря на то, что нам выпало счастье иметь такую прекрасную семью. Были и взлёты, и падения,

но в целом я смело могу назвать себя счастливой женщиной.

— Ты сегодня, как всегда? — пристаю к мужу с привычным вопросом, пока он собирается на работу. — Ждать ближе к ночи?

Альберт улыбается, целует меня в щёку, и в его глазах читается лёгкое смущение, что я догадалась о перспективах будущего вечера в одиночестве.

— Да, пока так. Привыкание к новому месту и коллективу на удивление, проходит со скрипом, — он крепко прижимает меня к себе, и я втягиваю знакомый запах его парфюма. — Но, с другой стороны, отличная возможность отдохнуть друг от друга.

— А ты от меня устал? — игриво вздёргиваю бровь, хотя прекрасно знаю, какой последует ответ.

— А то! Двадцать пять годиков возле одной юбки — не каждый такое испытание выдержит! — его глаза смеются.

Юмор у нас с мужем специфический, не каждый поймёт, но нам всё равно. Дети и родные главное нас понимают. А что скажут чужие — какая разница?

— Красивых девчонок вокруг много в отделении? — беру его пиджак с вешалки, протягиваю, пока он застёгивает последние пуговицы на рубашке.

— Конечно! Аж глаза разбежались! А у тебя какие планы?

— Особо никаких. Всё как обычно.

— Ну тогда, отдыхай. Всё, я убежал.

Жизнь идёт своим чередом, и в этом ритме: работа, заботы, смех и вот такие утренние проводы есть что-то такое, что я не променяла бы даже на миллион долларов.

Посматриваю на часы. Сегодня предстоит куча дел на работе, а вечером встреча с невесткой возле детского магазина.

Я обещала помочь ей с покупкой одежды для Сашки.

Мама Полины сегодня осталась с малышкой, а мы решили погулять недолго по магазинам.

Конечно, лучше бы Поля гуляла по магазинам со своим мужем, но он так же, как и его отец, вечно занят рабочими вопросами и ему не «до мелочей».

Первое время, когда наш сын и Полина поженились, я переживала, выдержит ли молодая жена вечное отсутствие супруга дома? Врачебные дежурства, ночные вызовы, срочные операции терпеть не каждая захочет.

Но к моей огромной радости, Поля оказалась удивительно понимающей. В её глазах я видела не раздражение, а гордость за мужа.

— Регина, как думаете, может, это? — Полина держит в руках красивое платье с вышитыми звёздочками.

Я сама попросила не называть меня по отчеству — слишком официально, да и не люблю я эти церемонии.

— Тебе нравится? — беру из её рук яркое платице, представляя, как будет смотреться на внучке.

— Не знаю, — Поля задумчиво пожимает плечами, оглядывая переполненные стеллажи. — Вроде нравится, вроде

нет. Слишком огромный выбор, — смеётся, и в её смехе слышится лёгкое головокружение от внезапно свалившегося на неё счастья. — Да и надо ли ей платье, пока она только ест да спит?

— Ну, иногда в свет выходить, почему нет? Девочки, они такие — девочки! Выходное платье долго быть обязательно. В случае нашей красавицы, конечно, не чёрное, маленькое, но быть должно.

Полинка кивает мне в благодарность за поддержку.

Ответно улыбаюсь, глядя на неё, и перед глазами вдруг всплывает картинка из прошлого, где мы с Альбертом не могли себе позволить практически ничего.

Два молодых студента, которым по девятнадцать: он медик, я будущий экономист, и в кармане ровно столько, чтобы купить буханку и пакет молока.

Помню, как стояли у витрины с вечерними платьями, и Альберт шёпотом обещал мне: вот закончим учёбу и куплю тебе самое красивое.

И вот у меня уже не одно, а много красивых вещей. Альберт сдержал своё слово.

— Бери то, что нравится, и не сомневайся. Как говорит твой свёкор: девочек надо баловать.

Через час, накупив целую гору всего, мы выходим из детского магазина с переполненными пакетами.

— Чайку с пирожным? — подмигиваю невестке, чувствуя приятную усталость в ногах после шопинга.

— С удовольствием, — Полина поглядывает на часы, свесив, сколько осталось до следующего кормления, и довольно кивает.

Мы направляемся к небольшому островку-кафе в центре торгового центра и занимаем единственный свободный столик.

Пока Полина увлечённо изучает меню, я рассеянно скользю взглядом по залу. Люди спешат, смеются, кто-то устало пьёт кофе, кто-то оживлённо обсуждает покупки.

И вдруг мой взгляд резко останавливается. В укромном уголке кафе, за столиком у колонны сидит... Альберт.

Сначала мне кажется, что это просто похожий мужчина — игра света, усталость, мираж. Но нет, это он, мой муж.

Полина что-то говорит мне, показывает на меню, предлагая выбрать десерт. Я автоматически киваю:

— Да, да, конечно, возьмём вот это... — даже не вникая, на что она указывает.

Мозг лихорадочно соображает почему он здесь?

— Регина, всё в порядке? — Полина наклоняется ко мне, слегка хмурия брови.

— Да, конечно, — быстро улыбаюсь, отрывая взгляд от мужа. — Просто задумалась.

Чувство растерянности мучает меня, ведь сегодня мы говорили, что он будет в больнице допоздна. И я не помню, чтобы мы обсуждали ничего кроме этого.

Хочу встать и подойти к нему, но останавливаю себя, за-

мечая, как к его столику подходит девушка и уверенно садится напротив.

Моё внимание сразу приковывает большой, кричаще-яркий пакет, который она ставит рядом с собой. Даже отсюда видно, что внутри что-то детское, точнее, мягкий коврик с дугами для игрушек.

Рисунок на упаковке – крупные, весёлые зверюшки, явно рассчитанные на младенца.

Альберт кивает девушке в знак приветствия, вежливо протягивает меню, но девушка отрицательно крутит головой.

Она сразу же начинает ему что-то объяснять, активно жестикулируя. Мой муж внимательно слушает, хмурится, затем коротко кивает и делает глоток кофе.

Нервно, будто этот разговор ему неприятен.

Тянусь к телефону, набираю ему. Вижу, как он смотрит на аппарат, не отвечает на мой звонок и кладёт трубку экраном вниз.

От неожиданности как дубиной по голове дали.

Полина, заметив моё напряжение, осторожно трогает мою руку.

— Регина, вы точно в порядке? Может, вам плохо?

А я по-прежнему не в силах оторвать взгляд от этого странного дуэта.

— Всё хорошо, просто... — голос неожиданно срывается.

— Кажется, я только что обнаружила у мужа внеплановую

встречу, о которой я не знала.

Потом скажет, что оперировал. Операция, значит?

В моей голове проносится едкая мысль: «Операция: как встретиться с женщиной в кафешке и остаться незамеченным».

Невестка недоумённо моргает, а я кивком показываю ей в сторону мужа и девушки.

Глава 2

Мне казалось раньше, что мы никогда не ввали друг другу. Пришло время начинать? Не планировала. А он?

Его поступок взбесил меня, но я не хочу отступать. Но и подходить пока не хочу. Мне интересно теперь, насколько далеко он зайдёт в своём вранье.

«Альберт, я звонила сказать тебе, что я недалеко от твоей работы».

Зачем пишу ему, знаю. Потому что в ответ жду, как он напишет мне: «Я не на работе. Сейчас в торговом центре «Олимп» пью кофе. Хочешь, приезжай».

Вижу, как он снова достаёт телефон, смотрит, как понимаю, моё СМС, затем убирает его, даже не ответив на него.

— Что ответил? — спрашивает меня невестка.

— Ничего. Просто снова убрал телефон.

— Регина... — я вижу, как растеряна невестка.

— Нормально всё, — натягиваю улыбку, не хочу, чтобы она волновалась. — Просто растерялась из-за неожиданной лжи со стороны твоего свёкра, — нервно и очень громко сглатываю.

— Давайте подойдём? — киваю.

— Да, обязательно. Но я сама хочу, тебе не надо. А то это будет выглядеть как дешёвые разборки. И ещё, пожалуйста, не говори ничего Максиму. Хорошо?

Девушка кивает несколько раз.

Только потом до меня доходит, что не стоило втягивать Полину в эту историю. Но осознание приходит слишком поздно.

Я отчётливо понимаю: если Альберт соврал мне, сказав, что будет на операции, а сам сидит в кафе с какой-то женщиной – значит, он целенаправленно меня обманул.

А если он пошёл на обман – значит, у него есть что скрывать. И это уже не просто повод для подозрений, а настоящий колокол тревоги, гулко бьющий в груди.

Почему? Да потому что с нами никогда такого не было раньше.

Решаю подождать, пока Полина отлучится в уборную, чтобы подойти к мужу и выяснить всё на месте, но не успеваю.

Они с той девушкой резко встают и направляются к выходу.

Замираю, жду, что он сейчас пройдёт мимо и заметит меня, но нет, они пошли по другой стороне.

— Мама звонит, — Полина смотрит на экран и хмурится.
— Мы с ней договорились: если Сашка начнёт капризничать, она наберёт. Видимо, пора собираться.

Она подносит телефон к уху, кивает в ответ на что-то и потом обречённо вздыхает:

— Да, мам, мы уже едем.

Через две минуты телефон вибрирует и у меня. Входящий от Альберта. Хочется сделать то же самое, что он несколько

минут назад, но я отвечаю.

— Привет, — его голос звучит нарочито легко, даже беззаботно. Совсем не так, как должно быть после того напряжённого разговора, который я только что наблюдала по его мимике. — Ты мне звонила и писала?

Я делаю глубокий вдох, стараясь, чтобы голос не дрогнул:

— Да. А ты уже вышел из операционной?

Пауза. Слишком долгая.

— Да, только что. Операция прошла быстрее, чем я планировал, — отлично врёт!

У меня, если бы я не видела его здесь, совершенно точно не было бы ни единого сомнения, что это правда.

— Ясно.

— Я еду домой.

— Хорошо.

Дорога домой теперь мне кажется бесконечной. В моей голове после его звонка и этой встречи – каша.

Мысли путаются, накатывают волнами: то холодный рациональный анализ, то вспышки глухой ревности. И куча других эмоций следом.

Ситуация бьёт по самолюбию и доверию, и я ничего не могу с собой поделать в этот момент. Ведь не врать друг другу – наш главный уговор.

Тот самый, который мы дали друг другу двадцать пять лет назад, стоя в загсе, ещё даже не зная, какие испытания приготовит нам жизнь.

Простые и чёткие правила: если что-то беспокоит – говорить.

Если что-то не устраивает – говорить.

Если появилась обида – говорить.

Если... если чувства угасли – говорить.

Получается, он не сдержал слово. Он обманул. Целенаправленно соврал. Прикрылся работой.

А сколько раз он это уже делал? Раз? Пять? Десять?

То и самое страшное, что я не знаю сколько.

Приезжаю домой раньше Альберта. Младшего сына тоже нет. Ну, оно и к лучшему. Полина заметила мою растерянность, заметит, скорее всего, и сын тоже.

Через два часа в прихожей раздаётся звук ключей. Альберт наконец-то приезжает домой.

— Ты вроде собирался выезжать с работы в то же время, что я сидела в машине, — говорю, лёжа на кровати и отвернувшись к стене.

Голос звучит неожиданно чужим и безжизненным. Я, как любой нормальный человек, в своём разочаровании много что придумала в своей голове. И всё оно далеко не радужное.

— Задержали. Собирался выходить уже, стоял на выходе, но коллеги попросили проконсультировать по одному вопросу.

— Ясно.

Муж уходит на кухню и возвращается через несколько минут ко мне в спальню.

— Регин...

— А?

— Всё нормально? — спрашивает зачем-то.

— Да, — вру. — Нормально. А почему ты спрашиваешь?

— Просто ты обычно, когда я возвращаюсь, домой встречаешь меня. А сегодня ты даже из спальни не вышла. У тебя что-то болит? Принести, может, таблетку от головной боли? Мигрень началась?

— Нет, всё в порядке. На работе просто проблемы, — снова лгу, потому что пока не готова спросить в лоб главное.

Он трогает мой лоб губами, проверяя температуру, а я тянусь к нему губами.

На удивление вместо того, чтобы закатить ему скандал по поводу его лжи, мне дико хочется, чтобы Альберт обнял меня и прижал к себе.

Чтобы сказал что-то простое, тёплое, развеял этот внезапный страх, который поселился внутри меня.

В ответ он не целует меня в губы, а, напротив, словно отстраняется.

Смотрю на него в растерянности.

— Я чувствую, что ты что-то недоговариваешь. Скажи, что случилось, — сосредоточен на моём лице.

Альберт садится рядом на кровать и матрас прогибается под его весом.

Тёплая ладонь участливо ложится на меня, и я чувствую тепло его руки на обнажённом плече.

Через пару секунд, Альберт кивает, встаёт, сбрасывает домашнюю одежду на стул, ложится рядом.

Замечаю, что прежде он кладёт свой телефон экраном вниз.

В памяти сразу всплывают, что он делает это как вчера, кстати...

И сегодня так сделал в кафе, когда я звонила. Тогда он, вероятно, не хотел, чтобы девушка, сидящая напротив не видела моей фотографии и имени. А в моём случае почему так происходит? Что он скрывает? Чью фотографию и чьё имя?

Раньше не замечала такой привычки за ним, а теперь она очень сильно бросается в глаза.

Мой собственный лежит рядом, и я ничего не скрываю. А он?

— Иди ко мне, — притягивает меня к себе муж и заставляет лечь на плечо. — Родная, если что-то беспокоит, лучше сказать, — киваю.

— Просто дурацкое настроение. Совпало всё.

— Извини, что ты снова вечер провела одна. Но, как я сказал, отказать в консультации не мог.

Его слова звучат убедительно, логично... если бы не одно «но». Это «но» его ложь.

Его губы касаются моей макушки – лёгкий, привычный жест. Я обнимаю его в ответ, прижимаюсь так крепко, будто пытаюсь впитать в себя его тепло, его запах, само его присутствие.

В полутьме вижу, как он улыбается моей внезапной нежности, и на мгновение кажется, что всё как раньше.

— Как прошёл день? — спрашиваю, чтобы заполнить тишину.

Он не сразу отвечает, будто его мысли далеко.

— А?

— Как прошёл твой день?

— Нормально, — наконец говорит, и его рука медленно гладит мои волосы.

Но это не тот ласковый, осознанный жест, каким он обычно успокаивает меня. Это движение кажется механическим, будто его пальцы двигаются по памяти, а сам он уже мыслями в другом месте.

— Спокойной ночи, — чуть отстранившись, он целует меня в губы — быстро, нежно, но без той глубины, которая раньше заставляла меня таять.

Вижу, как он собирается отвернуться. Но я не позволяю.

Всё во мне восстаёт против этого. Я не хочу спать. Не хочу холодных поцелуев и отстранённых прикосновений. Ласки его хочу, нежности, как раньше.

Тем более мы уже неделю не были близки.

А ещё задело, что когда я хотела поцеловать его в губы, он отстранился.

— Иди ко мне... — шепчу, притягивая его к себе. Если это повторится, пусть не притворяется, а откажет мне открыто.

— Погоди, — он слегка сопротивляется, пытается отстраниться.

Глава 3

Никогда не настаивала на близости, а сегодня словно я не я.

Сегодня мне нужно доказать самой себе: мы всё ещё те самые двое, что когда-то не могли удержаться от прикосновений даже в лифте, смеясь и сплетаясь в поспешных, жадных объятиях.

Сначала муж теряется от моего напора, показывая это с лёгким замешательством, но потом его губы отвечают мне.

Поцелуи становятся горячими, поспешными. И теперь он отвечает.

Руки скользят под моей футболкой, ладони оставляют на коже страстные следы. И на несколько секунд всё снова как раньше.

Его дыхание и губы в моих волосах. Знакомый запах кожи. Тело, тёплое и сильное, прижимает меня к матрасу, и в его движениях столько страсти, что сердце бешено колотится от радости, облегчения в моей неправоте, и от желания.

— Любимая, погоди...

И всё-таки его движения прекращаются также резко, как начались.

Руки, только что ласкавшие меня, вдруг отстраняются.

Он переводит дыхание, откидывается на подушку, и в темноте я вижу, как он проводит ладонью по лицу.

Я знаю этот привычный для него жест усталости.

— Альберт, что случилось?

— Прости. Не сейчас.

Я чувствую, как его грудь поднимается в глубоком разочарованном вдохе.

— Объясни, что не так, Альберт, — настаиваю.

— Я просто... устал... — муж поднимается и садится на край кровати.

Его спина напряжена, плечи опущены, будто он несёт на них что-то невыносимо тяжёлое, но я не знаю, что именно.

— Целый день на ногах, сложные операции. Милая... я словно выжат как лимон. Боюсь, ничего у нас не получится. Ты так сегодня... внимательна ко мне... — говорит, аккуратно подбирая слова. — Ты знаешь, как я люблю твой темперамент, но сегодня не тот день, когда я его выдержу.

— Раньше ты сам при любом случае тащил меня в постель.

— Старею, устал, теряю сноровку, — улыбается, словно виновато.

Что-то внутри меня кричит: «Не верь ему».

Киваю, отворачиваюсь, чувствуя, как моя кожа постепенно остывает там, где только что горела от его ладоней.

Альберт ложится обратно в кровать и засыпает почти мгновенно. Слышу, как его дыхание становится ровным, глубоким.

А я снова остаюсь одна с этой внезапной пустотой внутри.

Теперь я совершенно точно понимаю: между нами совершенно неожиданным образом образовалась пропасть. Но что или кто та причина, пока не ясно.

Если это другая женщина, я всё-таки надеюсь на признания с его стороны. И у него как минимум хватит совести признаться мне в этом в ближайшее время.

Утро начинается с ободного молчания.

Его руки обнимают мою талию, но теперь их тепло кажется чужим.

Губы, только что касавшиеся шеи, теперь вызывают не привычное удовольствие, а странное напряжение.

Отстраняюсь, и он замечает.

— Обиделась? — спрашивает он, но в его голосе нет тревоги. Скорее, лёгкое недоумение.

Не отвечаю. Дело не в том, что вчера он отказал мне в сексе. Нет. Я бы поняла, если бы он просто сказал: не хочу.

Раньше ведь так и было: он всегда говорил прямо, и это даже нравилось. Но вчера... вчера он соврал про работу и женщину. Впервые за все годы.

Я не ревнива. Но мне нужно понять, зачем он соврал?

— Я забыл тебе сказать: через три дня нас пригласили в ресторан. Главный врач юбилей отмечает, нужно быть на празднике.

Я молчу. Настроения идти куда-то совершенно нет.

— А без меня никак? Я не пойду.

— Почему? — он удивлён. — Все будут с жёнами, я тоже

с тобой обязан быть.

— Обязан... — цепляюсь за это слово, пребывая в отвратном настроении.

Даже сама удивилась, в какую придирчивую зануду я превратилась в своих додумках и подозрениях.

— Ну да. А что тебе не нравится, не понимаю? Есть определённые правила, которые нужно соблюдать. На такие мероприятия, как это всегда все ходят семьями. Разве нет? — он, видимо, даже не замечает моего замешательства.

— Ладно, — соглашаюсь. — Во сколько будет мероприятие?

— В семь вечера.

Смотрю на его сейчас, и словно не узнаю.

Он стоит сейчас такой... отрешённый, холодный, чужой. Словно это не мой муж, которым был когда-то, а совсем иной человек. Оболочка только его. А остальное — не он.

Он мог бы хоть для приличия соврать, что со мной хочет пойти, потому что мы уже сто лет никуда не выбирались, или потому что скучает по мне. Но нет, Седов предпочитает так, в лоб, чтобы лишнего не придумала.

— Не понимаю, что случилось за эту ночь, милая, — подходит, пытается снова обнять. — Регина, я действительно устал вчера, не обижайся на меня. Обещаю, в ближайшие пару дней мы подгадаем вечер, чтобы остаться только вдвоём. Матвей — пацан смыслённый, погуляет подольше, может даже у друзей ночевать останется. А мы расслабимся... —

шепчет мне в ухо, видимо, продолжая думать, что моя обида связана именно с постелью.

Киваю, мол, верю, соглашаюсь, радуюсь. Лишь бы отстал сейчас, лишь бы не был так близко ко мне.

— Всё, я одеваться. Пора на работу.

Слышу, как у него вибрирует телефон, но это точно не смс. Это звонок.

Он косится в мою сторону и уходит в ванную.

Проходя мимо, слышу, как он с кем-то разговаривает, включив воду. Прислушиваюсь. Естественно, мне любопытно! А кому бы не было?!

— Да, я сдал анализы. Надеюсь, что отрицательно. Потому что, если всё подтвердиться... — замолкает на мгновение, — мне придётся развестись с Региной.

Глава 4

Ему придётся что сделать? Не поняла...

«Развестись. Развестись. Развестись...» — долбит в висках, словно отбойным молотком.

Отхожу от ванной комнаты так, чтобы Альберт не понял, то я подслушивала. Присаживаюсь на стул и начинаю указательными пальцами тереть виски.

«Развестись. Развестись. Развестись...»

Он со мной собрался разводиться?! Но почему? Какова причина? И почему я не знаю о его таких серьёзных планах?

Значит, действительно кто-то всё-таки есть.

Альберт выходит из ванной, прячет спешно телефон в карман и замечает меня.

— Что с тобой? — смотрит обеспокоенно.

Поднимаю на него глаза.

— Всё нормально, — выдавливаю из себя.

— Ты бледная такая, — проверяет пульс, трогает лоб. — Оставайся сегодня, может, дома, а?

— Да, наверное, так будет лучше.

Альберт заставляет меня подняться, и я на трясущихся ногах иду до дивана.

Муж приносит плед, звонит младшему сыну и просит его приехать сразу же, как будет возможность.

Раньше его тревога за меня наполняла теплом. Мне нра-

вилось чувствовать, что он переживает, что я для него не просто привычка, не часть быта, а человек, чьё состояние по-настоящему важно.

Но сегодня...Сегодня его забота кажется мне фальшивой. И я ничего не могу с этим ощущением поделать.

И всё потому, что я слышала его разговор. Те слова, которые он не предназначал для моих ушей.

И теперь, когда он снова спрашивает о моём здоровье, я не могу отделаться от мысли, что это просто роль. Роль заботливого мужа, которую он привык играть для своего окружения, для наших детей, друзей, престарелых родителей, и даже самого себя.

Совершенно точно после услышанного я зацепилась за слова, что он ждёт какие-то анализы.

В голове складывается простая, но жуткая логика.

Вчерашний торговый центр, встреча, где он обманул меня, незнакомая мне девушка. В её руках – детский коврик. Тот самый, что кладут на диван или пол, когда малыш только учится обращать внимание на предметы.

И если сложить всё вместе, картина совсем не радужная: Альберт ждёт каких-то анализов.

Эти анализы могут стать причиной развода. В его окружении появилась женщина с вещами для младенца.

Думаю, отсюда следует просто вывод: ДНК. Тест ДНК... Это единственное, что приходит в голову. Простой и такой доступный теперь для него, как для врача такого уровня –

тест на отцовство.

Скорее всего, Альберт хочет убедиться, проверить, он ли отец малыша.

И если результат окажется таким, как он ждёт — то есть подтвердит его отцовство... тогда как он сказал, муж разведётся со мной.

А то, что мы разведёмся нет ни капли сомнений. Если он не подаст на развод, это сделаю я.

Я не дам ему права выбора. Я сделаю этот выбор сама. И он точно не будет в пользу нашей семьи.

— Альберт, погоди, буквально минуту, — прошу присесть его рядом, тяну за собой на диван. — Пару минут найди для меня.

— Хорошо, есть даже больше, — смотрит на циферблат часов.

— Скажи, с кем я его видела в торговом центре?

Замечаю, как Альберт отводит глаза и хмурится на мой вопрос.

— Когда?

— Вчера.

— А что ты делала в торговом центре? — вопрос на вопрос.

— Гуляла. А ты?

Альберт не находится сразу, что ответить. Но я продолжаю пристально смотреть на него.

— Регина, я заезжал после работы по делам.

Киваю. Жду, что он скажет дальше. Но он не говорит ничего.

— И?

— Что и?

— Я спросила, с кем ты был. И зачем ты скрыл про встречу? Особенно странно, что ты сослался на операцию и поехал встречаться с другой женщиной.

— А ты? Почему не подошла ко мне, если видела меня? — словно пытается от себя ко мне внимание перевести.

— А зачем? Врал-то ты, а не я. Или мне надо было подойти к тебе и устроить при этой даме скандал?

— Зачем? Нет, конечно. Регина, тебе не за что волноваться, — он поднимается с дивана, отходит к окну и смотрит куда-то вдаль. — Просто верь мне, как верила все эти годы, и всё. Этого будет достаточно.

— Альберт, — встаю, подхожу со спины и провожу ладонью по спине. — Просто скажи мне правду. Я приму любую. Но главное, правду. Поплачу, конечно, в любви разочаруюсь, но критичного ничего не случится. Мы оба взрослые люди, неоднократно видели разводы наших друзей, знакомых. Я, если что, переживу это спокойно. Ты, главное, не нервничай.

— Не придумывай, пожалуйста, чушь, — перебивает меня резко.

Он такой... родной, сейчас, и при этом совершенно чужой. Разве два в одном одновременно бывает?

Я чувствую, что его совершенно точно что-то беспокоит,

но он скрывает это.

Раньше мы говорили обо всём, что кого-то из нас волновало. А теперь каждый в себе.

Что это? Мы пришли к тому, к чему приходят сотни тысяч семей при сроке двадцати пяти лет брака?

— Это не чушь. Это единственный выход, чтобы расстаться цивилизованно. И мне, в случае чего, не будет страшно развестись. Дети выросли, старший уже сам врач, младший вот-вот тоже им станет. Внучка даже есть. Набор отличный! — грустно ухмыляюсь.

Говорю ему, но на самом деле понимаю, что это моя иллюзия, в которой я сама себя хочу убедить.

Потому что мы как единое целое теперь, и если открывать нас друг от друга, то это совершенно точно только через боль, огромные, и последующие, надолго незаживающие раны.

— Мне не в чем тебе признаваться. Да, я после операции встретился с одной знакомой, она просила... консультации по общему приятелю. И всё. Я, впрочем, о каждой встрече не обязан отчитываться перед тобой за каждый свой шаг. Не находишь?

Уходит, а я остаюсь одна у окна, обнимая себя руками.

Как там говорят: лучшая защита — это нападение?

Глава 5

ДЕНЬ РАЗОБЛАЧЕНИЙ И ПРИЗНАНИЙ

Да, моё чутьё не подвело меня. Мой сын знает про предстоящий развод, о котором мне пока не сообщил муж, и усердно пытается убедить признаться мне в этом своего отца.

Как всегда — всё самое главное и жизненно важное женщина узнаёт последней. Ну что за несправедливая закономерность?

— Конечно, нет. Но лучше не обманывай маму и сказать ей.

В голосе сына слышится напряжение. Он не хочет лгать, но и не может просто так принять отцовское решение.

— Я пока не подготовил почву. В любом случае это моя ложь, а не твоя. Я так не могу. Поэтому прекрати заниматься самобичеванием.

Альберт говорит резко, отчеканивая каждое слово, будто вбивая гвозди. Он не кричит на сына, но его тихий, ровный голос режет хуже крика.

Слушая это, моё сердце колотится так сильно, что, кажется, его стук слышен даже им. Кровь гудит в висках, дыхание перехватывает. Я не могу пошевелиться, не могу отвести взгляд от своих мужчин.

— Бать...

Максим упрямый. Он повышает голос, и в нём слышится не только протест, но и что-то ещё — обида? Разочарование? Он хочет достучаться, заставить отца услышать.

— Пап...

Альберт внезапно бьёт кулаком по перилам террасы. Я непроизвольно вздрагиваю.

— Хватит!

Он переходит на тон сына, но потом резко обрывает себя, будто осознав, что теряет контроль. На секунду воцаряется тишина, тяжёлая, давящая.

— Я сам разберусь со своей женой, понял?! Я лучше знаю, что ей нужно знать, а что нет. Меньше знает – крепче спит! А ты иди со своей разбирайся! Полина, я слышал, говорила мельком матери, что тебя дома вечно нет. И не смей учить отца.

Это уже не просто спор. Это что-то другое. Что-то, чего я никогда раньше не видела.

Да, они ссорились. Да, бывало, что оба повышали голос. Но чтобы Альберт говорил с Максимом так... так жёстко?

Сын сдаётся. Он знает, что сейчас бесполезно что-то говорить. Альберт не отступит.

Я продолжаю стоять как вкопанная и даже не понимаю, что мне надо срочно спрятаться, чтобы они меня не увидели.

Макс сжимает свои кулаки, опускает голову, выдыхает тяжёлым выдохом и разворачивается, чтобы уйти.

— Мама... — замечает меня и смотрит растерянно. — Ты

сказала, что в пробке задерживаешься.

— Ну вот, уже доехала, — пожимаю плечами, улыбаюсь, насколько могу после услышанного.

Сын кивает, переводит быстро взгляд на отца, а тот опускает лицо и на меня не смотрит.

— Ты давно здесь? — как бы между прочим спрашивает.

— Пять минут, — отвечаю, но смотрю не на сына, а на своего мужа. — Макс... О чём вы говорили? Почему ссорились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.